

* * *

Братан, постоим на морозе, покурим,
подышим другим январём.
Я знаю, ты зиму не любишь такую,
крошащуюся сухарём.

Да кто ж её любит. Морозных прищепок
навесив на лица, молчим
и смотрим, как в серое небо нелепо
ныряют смешные грачи.

Вчера ещё снег отвратительно чавкал,
придушенный сапогом.
Менты с ошалелой служебной овчаркой
куда-то бежали бегом.

Сегодня хрустит, что намного паршивей,
хотя я почти привык.
И снежные хлопья – такие большие –
падают за воротник.

В сугробах единственная дорога,
и мы бесконечно вдвоём.
Худое лицо незнакомого бога
посмотрит в оконный проём,

когда меня в чёрном сосновом конверте
друзья понесут на плечах.
Ты выкуришь залпом за праведность смерти
И серое небо в грачах.

* * *

Цветут застенчивые вишни.
Пока они цветут,
я среди них как третий лишний.
Я среди них. Я тут.
Мне тяжело сливаться с тенью
ветвей и листьев от.
Я приуроченный к цветению
несчастный идиот.

Здесь – у обочины апреля,
где вешний цвет рябит –
невыносимо. Параллели
протоптаных орбит
пересекаются, ломая
несовершенство дня.
Растрезанное тело мая,
и нет, и нет меня.

* * *

Откуда ты взялась, тоска по небылому?
В троллейбусе пустом (ни тела, ни души) –
дневали алкаши, цыгане жгли солому –
воняет чёрте чем, замри и не дыши.

Зияют провода, скупой пейзаж итожа –
угрюмо валит снег, пробравшись в эту брешь.
Ты хочешь мне сказать, что мы одно и то же?
Я не пойму тебя, хоть подойди и врежь.

Как хорошо зимой дерябнуть на дорожку
и до конечной плыть – подайте мне весло.
Подумать только, я живу не понарошку;
из кожи лезу вон, а скажут – повезло.

И страшно, и смешно, но я не параноик.
Мне введена тоска – едва продрал глаза,
я крестиком окна зачёркиваю нолик
очередного дня. И что ещё сказать?

* * *

Какая ветка обломилась
в моём саду?
Какая, к черту, божья милость –
я не сойду
за праведника, даже если
надену крест.
Когда сидеть в удобном кресле
мне надоест,
я поднимусь – какая жалость,
что не с колен.
Теперь и смерть ко мне прижалась,
как манекен
к витрине; словно этикетка
к сырому льду.
Я просто сломанная ветка
в чужом саду.

* * *

Маленькое кладбище под Курском,
тонкие оградки и кресты –
ничего в мировоззрении русском
более понятным и простым
быть не может. Голубая лента
треплется пугливо на ветру –
словно в буераке стонет флейта.
Стонет флейта там, где я помру.
Цыкните и взглядом меня смерьте,
мол, да как ты смеешь, салабон,

говорить возвышенно о смерти!

Я – могу! На языке любом
смерть одно и то же. Сплюньте хором,
отвечайте: смерд, антихрист, гад!

И машите поезду, в котором
я бегу от жизни наугад.

Деревца мелькают полосато:

Шумаково, Солнцево и др.

За окном то пашни, то леса, то
телогрейки стертые до дыр.

Я не знаю, где я буду завтра,
может, в измерении ином,
может, пьяный в ноль механизатор
раскроит мне череп колуном.

Я не знаю ничего на свете,
никакой священной красоты,
только это кладбище и эти
тонкие оградки и кресты.